

Двадцать пятый день последнего зимнего месяца выдался суровым. На улице завывал северный ветер, вовсю бушевала метель, и весь мир вокруг сделался слепяще-белым.

В народе говорили, что такой сильный снегопад к богатому урожаю и сытому году, вот только для Лэ Уя этот день предвещал лишь скорую смерть.

В его расстрельном списке значились восемьдесят две расстрельные статьи. Обвинения сыпались со всех сторон: от государственной измены, сыновней непочтительности, шпионажа и убийств чиновников до подделки документов и банальной кражи императорских апельсинов, росших за залом Чжаомин. Мужчину признали неисправимым злодеем, казнь которого требовалось провести незамедлительно, не дожидаясь традиционных осенних судов следующего года.

Внутри тюрьмы Хуанюй было светло как днем, а на небольшом столике аппетитно дымился свежий ужин.

Пятеро дежурных стражников, прижавшись к стене, затаили дыхание. Они стояли, покорно опустив глаза в пол и всем своим видом выказывая крайнее почтение.

Спустя четверть часа в помещение вернулся старший смотритель, принесший с собой с улицы леденящий запах метели.

Он неторопливо снял бамбуковую шляпу и подышал на озябшие пальцы.

Увидев, что начальник вернулся один, остальные надзиратели наконец-то облегченно вздохнули.

Похоже, важного гостя удалось проводить без лишних проблем.

Один из стражников угодливо перехватил у смотрителя шляпу, бросил взгляд на налипшие на нее хлопья снега размером с гусиное перо и со вздохом произнес:

— Ну и погода, господи, ну и заваливает.

Другой тюремщик постарше пододвинул смотрителю табурет и негромко добавил:

— Надо же, за такое короткое время это уже второй высокий чин, который приходит его навестить.

Старший смотритель уселся на место, ничего не ответив. Он молча сорвал печать с кувшина, налил себе полную чашу крепкого вина, а затем подцепил палочками кусок говядины и отправил его в рот.

Это угощение принес с собой тот самый важный гость.

Если стражники отказывались от еды и напитков, они рисковали навлечь на себя гнев высокопоставленных особ. С другой стороны, стоило им принять угощение, в которое легко могли подсыпать яд или снотворное, и упустить арестанта, они тут же лишились бы собственных голов.

Именно поэтому в тюрьме существовало негласное правило: все подобные подношения доставались исключительно дежурному смотрителю.

Окажется ли это щедрым пиршеством или смертельной отравой, он должен был выяснить на собственной шкуре.

К слову, это правило ввел сам Лэ Уя в те времена, когда еще являлся полноправным хозяином тюрьмы Хуанюй.

Пока смотритель в абсолютной тишине поглощал еду, остальные тюремщики сгрудились у другого маленького столика. Они довольствовались простой жидкой кашей с легкими закусками, тихо отмечая канун Малого Нового года*.

ПП: Малый Новый год (Сяонянь) в Китае — это традиционный праздник, знаменующий начало подготовки к Празднику Весны (большому Новому году). Он отмечается примерно за неделю до главного торжества, на него проводят генеральную уборку и чествуют божеств.

— Так когда казнь, завтра или послезавтра? — спросил один из них.

— Ночной дозорный еще не бил в колокол, так что повешение назначено на послезавтра, — глухо отозвался второй.

Самый юный из надзирателей, бледный как полотно, затравленно огляделся по сторонам, после чего опустил голос до едва различимого шепота:

— Но я ходил проверять его сегодня днем. Боюсь, он до послезавтра просто не протянет.

Остальные погрузились в угрюмое молчание.

Лишь один из стражников, поступивший на службу всего на пару месяцев раньше этого юнца, решил нарушить тишину:

— Разве это не к лучшему? В любом случае, к нам это никакого отношения не имеет. Мы его голодом не морили, на дыбу не таскали, так что, если он тихо преставится сам в камере, это можно назвать исключительно его удачей.

— Удачей? — искренне удивился молодой тюремщик.

Стражник постарше сделал внушительный глоток рисового вина, отчего его голос невольно стал чуть громче:

— Знаешь, я бы и сам не отказался от такой судьбы. Парень за свою жизнь успел вкусить все возможные блага, заработал немислимые деньги, обрел великую славу, да и сама уездная княжна была при нем. Словом, человек всегда получал все, что только желал. И пускай в последние полгода он рухнул с небес на землю, игра все равно стоила свеч! Посмотри, как его скрутила болезнь, если умрет сам, то хотя бы сохранит тело в целости, а не будет болтаться в петле.

— Ну уж нет, я бы все-таки предпочел дожить до ста лет, — решительно не согласился юный надзиратель.

Шутки и смех стражников внезапно оборвались, когда из дальнего конца темного коридора донесся хриплый голос:

— Эй, пусть сюда подойдет хоть кто-нибудь живой.

Все сидевшие за столом мгновенно замерли с зажатыми в руках чашами, безмолвно переглядываясь.

Они точно помнили, что еще несколько дней назад этот человек практически полностью оглох и не мог разобрать чужую речь.

Не дождавшись ответа, голос из темноты безошибочно обратился к конкретному человеку:

— Тот, который так хочет дожить до ста лет. Иди сюда.

Молодой надзиратель мгновенно переменился в лице и умоляюще уставился на старшего смотрителя в поисках защиты.

Смотритель сохранял абсолютное спокойствие. Он ободряюще кивнул юноше, давая понять, что тот может идти, а затем поднял чашу и одним махом осушил остатки вина.

Его рот при этом оставался совершенно пустым: у смотрителя не было языка.

Молодой тюремщик с легким трепетом в душе направился в глубь беспросветной темноты и остановился прямо перед решеткой одиночной камеры.

Заклученный, который еще совсем недавно находился на вершине власти и подчинялся лишь одному человеку в государстве, теперь неподвижно сидел в густой тени, так что разглядеть его лицо было невозможно.

Ему полагалось лежать, однако он нашел в себе силы приподняться. Его длинные черные волосы, лишенные заколок или лент, небрежно спадали на плечи, демонстрируя естественные, природные волны и кудри.

Чем сильнее прогрессировала болезнь, тем отчетливее во внешности проступала чужая кровь.

В народе поговаривали, что даже умирая, тигр никогда не теряет своего величия. Тюремщик бросил на арестанта мимолетный взгляд и поспешно опустил голову в знак глубокого уважения.

Тюремщик покорно опустил голову.

— Я слушаю, господин.

Мужчина тихо усмехнулся, но смех тут же перешел в затяжной, раздирающий кашель.

Так кашляют лишь безнадежно больные люди, находящиеся на пороге смерти.

Кое-как восстановив дыхание, Лэ Уя с явной усмешкой в голосе переспросил:

— Все еще господин?

— Как-никак мы в тюрьме Хуанюй, — молодой стражник не поднимал глаз, — что бы ни случилось, вы для нас все равно остаетесь господином.

Лэ Уя неопределенно хмыкнул.

— Тогда подожди, пока твой господин испустит дух, а уж потом поливай его грязью. Ждать осталось недолго, всего какую-то пару мгновений.

Тюремщик растерянно замолчал и снова украдкой, через силу, провел по Лэ Уя взглядом.

Лицо арестанта по-прежнему тонуло в полумраке, и разглядеть удавалось лишь его глаза, которые ярко сияли из-под растрепанных, спутанных прядей, подобно далеким звездам.

Лэ Уя уперся ладонями в нары и с явным трудом заставил себя сесть ровнее.

— Вспышка перед концом, никогда не видел, что ли?

Стражник замер, смиренно уставившись в пол, и всем своим видом демонстрировал абсолютную покорность.

Лэ Уя продолжил:

— Ты ведь только что говорил, что хочешь дожить до ста лет?

Не понимая, к чему клонит этот опасный человек, надзиратель благоразумно промолчал, решив не ввязываться в разговор.

— Послушай, а не хочешь ли ты навсегда оставить свое имя в истории? — в хриплом дыхании Лэ Уя отчетливо послышался лукавый смешок. — Это ведь и есть самое настоящее бессмертие, на долгие-долгие века.

Тюремщик заискивающе улыбнулся.

— Вы слишком добры ко мне, господин, но ничтожному рабу такое не по чину.

Лэ Уя дружелюбно поманил его пальцем.

— Подойди ближе, парень, мне нужно сказать тебе кое-что.

Однако стражник не сдвинулся с места.

— Простите, господин, но вы сами когда-то установили это правило: нам строго-настрого запрещено передавать чьи-либо слова наружу.

— Я сам установил это правило, мне ли о нем не зна... — Лэ Уя не договорил, зайдясь в новом приступе глухого, удушливого кашля. Когда судорога наконец отпустила его, он поднял голову. В его темных глазах с необычным фиолетовым отливом промелькнула едва заметная влага, отчего в этот миг мужчина стал похож на самого настоящего демона-искусителя. — Раз уж ты твердо решил ничего и никому не передавать, то чего тогда боишься? Я буду говорить, а ты просто слушай.

Делать было нечего. Тюремщику пришлось сделать шаг вперед и склониться еще ниже.

Несмотря на то, что Лэ Уя едва дышал от болезни, стражник все равно откровенно побаивался подходить к нему вплотную.

Если верить местным суевериям, в этом человеке крылось нечто по-настоящему жуткое и колдовское.

Казалось, стоит заупрямиться и посмотреть ему в глаза чуть дольше положенного, как он непременно завладеет твоей душой.

После ночной снежной бури небо наконец прояснилось.

Солнце, словно умытое чистым снегом, ослепительно-белым диском застыло на самом краю небосвода.

Молодой тюремщик покорно следовал за личным слугой императора по парадному дворцовому тракту. Он шел, низко опустив голову, а в его груди испуганно колотилось сердце.

Поскольку смотреть по сторонам ему запрещалось, стражник лишь у самого зала Чжаомин заметил, что прямо перед парадными дверями неподвижно замер живой снежный силуэт.

Человек стоял на коленях, а сугробы вокруг его ног выросли уже на целых три цуня*. Судя по всему, несчастный преклонил колени еще вчера, до того, как началась метель.

ПП: Цунь - китайская единица длины. По современному стандарту 3,33 см (в древности — от 2,4 до 2,7 см).

Само собой, любой, кто имел право находиться в таком месте, обладал весьма высоким и знатным происхождением.

Надзиратель сделал несколько быстрых шагов вперед и почтительно поклонился незнакомцу.

Тот проявил неожиданную вежливость. Мужчина поднял взгляд, безошибочно определил по форме скромный ранг мелкого тюремщика и едва заметно кивнул в ответ, снисходительно принимая приветствие.

Сопровождающий евнух терпеливо ждал в стороне. Как только стражник выпрямился и поправил помятую одежду, слуга жестом пригласил его войти внутрь.

Но даже переступив порог тронного зала и опустившись на колени перед правителем, надзиратель все еще чувствовал себя так, словно видел сон.

Поначалу он искренне не понимал, зачем Лэ Уя, прекрасно знавший суровые законы тюрьмы

Хуанюй, заставил выслушать свои последние слова.

И лишь сегодня утром, когда до тюрьмы дошел личный приказ Его Величества явиться во дворец, до стражника наконец дошел истинный смысл той беседы.

В конце концов, Лэ Уя долгие годы оставался самым доверенным и преданным человеком императора.

И правитель просто обязан был лично услышать, какими оказались предсмертные мысли его фаворита.

Вот только слова, которые произнес покойный перед смертью, были настолько...

Однако, каким бы диким и абсурдным ни казалось завещание Лэ Уя, у простого надзирателя не хватило бы смелости утаить правду от государя.

Тюремщик прижался лбом к холодному полу и, стараясь говорить как можно четче и разборчивее, доложил:

— Докладываю Его Императорскому Величеству. Государственный преступник Лэ Уя перед смертью сказал... что он отрезанный рукав* и всегда питал слабость к мужчинам.

ПП: гомосексуалист

— Все эти годы он умышленно скрывал свою истинную сущность и теперь бесконечно виноват перед уездной княжной.

— Еще он просил передать, что бесконечно благодарен Его Величеству за доверие, великую милость и продвижение по службе. Ничтожный преступник Лэ Уя не знает, как отплатить за столь щедрый дар в этой жизни, а потому надеется сделать это лишь в следующем перерождении.

Трое высокопоставленных министров, ожидавших своей очереди чуть поодаль, уже мысленно заготовили длинные речи. Независимо от того, собирался ли Лэ Уя безропотно принять суровый монарший гнев или разразиться перед казнью безумными, мятежными речами, у них на любой случай имелся достойный ответ.

В итоге первое же предсмертное заявление Лэ Уя заставило высокопоставленных чиновников подавиться собственными словами.

В зале воцарилось неловкое молчание, и лишь двое сопровождавших императора летописцев переглянулись между собой и тут же синхронно опустили глаза.

Изящный и утонченный правитель слегка нахмурился и открыл глаза, устремив на присутствующих пронизательный взгляд своих глаз феникса*.

ПП: классическая форма разреза глаз, для которой характерны узкая и длинная форма, загнутый внутрь внутренний угол и приподнятый внешний угол, уходящий к вискам. В традиционной физиогномике и литературе такой тип считается благородным и выразительным.

По спине тюремщика струился холодный пот, а в душе он без умолку проклинал свою долю.

И пускай он был еще молод и не обладал богатым жизненным опытом, раз уж ему довелось попасть на службу в тюрьму Хуанюй, он успел изучить конфуцианские каноны и прекрасно разобрался в законах этого мира.

Вся предсмертная речь Лэ Уя состояла из высокопарных, благородных слов, а ее вторая половина и вовсе казалась образцом покорности и глубокого уважения, к которому невозможно было придаться.

Однако стоило соединить ее с первой фразой, как весь смысл переворачивался с ног на голову.

Каждому во дворце было известно, что Лэ Уя обладал прирожденным талантом. В восемнадцать лет он уже прославился выдающимися военными заслугами, в девятнадцать занял пост младшего наставника наследника, а в последующие годы его карьера стремительно шла в гору благодаря исключительной благосклонности государя. Он являлся правой рукой императора и одной из главных опор государства Великая Ю. Даже теперь, когда за ним числились восемьдесят два тяжких преступления, Его Величество ограничился лишь казнью через повешение, избавив от мучительного четвертования, и лично даровал милость, пообещав не преследовать весь род Лэ.

Неужели между императором и этим Лэ Уя и впрямь существовала некая предосудительная, тайная связь?

Подобные кощунственные мысли тюремщик позволял себе крутить в голове лишь по дороге во дворец, сейчас же у него не осталось и капли былой дерзости: он лишь покорно ждал вопросов повелителя.

В тишине зала раздался голос императора:

— И это все? Больше он ничего не сказал?

Тюремщик осторожно ответил:

— Докладываю Его Величеству, государственный преступник Лэ Уя больше ничего не

добавлял.

— Как тебя зовут?

Стражник почувствовал себя польщенным столь неожиданным вниманием:

— Ничтожного раба зовут Чжан Юнь.

Голос, доносившийся словно из заоблачной выси, остался совершенно бесстрастным:

— Ты отлично передал его слова. Ступай и получи свою награду.

Чжан Юнь по всем правилам поблагодарил государя за проявленную милость и покинул зал Чжаомин. Лишь когда он переступил порог и шумно выдохнул, холодный пот хлынул по его телу бурным потоком.

Он не посмел задерживаться и поспешил спуститься по дворцовой лестнице.

Когда Чжан Юнь вновь проходил мимо площади, замерзший силуэт, стоявший на коленях перед залом, приподнял голову и негромко спросил:

— Лэ Уя... мертв?

Лишь теперь тюремщик смог разглядеть его лицо и от сильного испуга тут же рухнул на колени:

— Докладываю Шестому принцу, преступник Лэ Уя прошлым вечером... и впрямь скончался от болезни.

Услышав это, Шестой принц, Сян Чжицзе, медленно поднялся с колен. Снежные хлопья осыпались с его плеч, а ткань одежды при развороте тускло блеснула в лучах утреннего солнца: одежда успела покрыться ледяной коркой.

Чжан Юнь не смел смотреть на него и склонился еще ниже.

Сян Чжицзе медленно выдохнул.

Заметив, что тюремщик насквозь промок от пота, а от его макушки в морозном воздухе даже поднимается легкий пар, принц слегка смягчился взглядом:

— Не бойся, я всего лишь... спросил... хотел спросить.

Чжан Юнь благоразумно помалкивал.

Лицо стоявшего перед ним юноши выглядело ужасающе бледным, а губы совершенно обескровели, что указывало на крайнюю степень истощения. Едва произнеся эту короткую фразу, принц зашелся в сильном приступе кашля.

Он так мягко и по-доброму утешал постороннего человека, однако Чжан Юню в этот миг показалось, будто принц вот-вот растворится в этой морозной метели.

Стражник уставился в землю и почтительно произнес:

— Ничтожный раб...

Внезапно на белоснежную землю прямо перед его глазами упали две или три ярко-алые капли.

Тут же раздался испуганный, пронзительный вскрик сопровождающего евнуха:

— О боже! Шестой принц!

Чжан Юнь в изумлении вскинул голову.

Из-под пальцев, которыми Сян Чжицзе судорожно зажимал рот, непрерывным потоком хлестала кровь. Содрогаясь от кашля, его тело начало медленно оседать на землю.

Прежде чем Шестой принц успел окончательно упасть, к нему быстрыми шагами приблизился мужчина и крепко перехватил за плечи.

Чжан Юнь порывался было вскочить и помочь, но стоило ему разглядеть лицо подошедшего, как он со страху снова прирос к земле, а его голос задрожал от волнения:

— Се... Седьмой принц...

Седьмой принц, Сян Чжиши, был единоутробным братом Шестого принца. Они были похожи как две капли воды, и с первого взгляда отличить одного от другого казалось совершенно невозможной задачей.

Сян Чжиши не произнес ни слова. Он быстрым, уверенным движением пальцев прижался к запястью брата, проверяя его пульс.

Спустя мгновение он обратился к застывшему в панике евнуху:

— Императорский брат слишком долго стоял здесь на коленях, холод пробрал его до костей, а душевное потрясение лишь усугубило болезнь, что и привело к подобному исходу. Пожалуйста, евнух Ли, поторопись призвать придворных лекарей. Заодно доложи отцу и спроси разрешения временно перенести брата на отдых в павильон Гуаньлинь.

Этот слуга совсем недавно поступил на службу во внутренние покои дворца и занимался лишь сопровождением гостей. Столкнувшись с такой непредвиденной бедой, он на мгновение растерялся, но теперь, когда Седьмой принц указал ему четкий порядок действий, он торопливо закивал и поспешил обратно в зал.

В охватившей его панике евнух даже не задумался о том, почему он прежде ни разу не встречался с Седьмым принцем лично, однако тот столь естественно назвал его по фамилии — «евнух Ли».

Раздав указания, Седьмой принц опустил глаза и принялся бережно стирать кровь с губ старшего брата.

Вот только взгляд, которым он смотрел на лежащего без чувств Сян Чжицзе, оставался на удивление ледяным, лишенным малейшего тепла, и таил в себе лишь холодное испытание и безразличие.

Однако стоило ему вновь поднять голову, как на его лице проступили черты нежного, благовоспитанного благородного мужа, словно между братьями и впрямь царило идеальное согласие, и он являлся лишь любящим младшим братом, глубоко тревожащимся о здоровье старшего:

— Ты ведь рассказал Шестому брату о кончине нашего учителя?

Чжан Юнь не посмел ни подтвердить, ни опровергнуть его слова. Он лишь дважды ударился лбом о землю, что посчитали за молчаливое согласие.

Седьмой принц спросил вновь:

— Отец призвал тебя сюда, потому что учитель оставил перед кончиной какое-то послание?

Чжан Юнь не отважился ответить и продолжал хранить угрюмое молчание.

— Отец запретил тебе говорить? — Седьмой принц задал вопрос точно таким же мягким и вкрадчивым тоном, каким обычно говорил Шестой принц. — Или же господин Чжан считает, что я всего лишь нелюбимый сын императора, а потому недостойн услышать от тебя и пары слов?

От этих слов у Чжан Юня по коже пробежал мороз.

Откуда этот высокопоставленный человек мог знать фамилию такого ничтожного, безвестного маленького человека, как он?!

Впрочем, император и впрямь не давал четких указаний держать предсмертные слова Лэ Уя в строжайшем секрете от остальных.

Подумав об этом, Чжан Юнь, который превыше всего на свете ценил собственную жизнь, поспешно прижался лбом к земле и без утайки передал дикое, нелепое завещание Лэ Уя слово в слово.

Шестой принц все еще не потерял сознание.

Он с огромным трудом повернул шею, устремив взгляд на Чжан Юня.

Седьмой принц же лишь недоуменно моргнул.

Вокруг слишком сильно завывал ветер, и он, должно быть, просто ослышался.

Поэтому он переспросил еще раз:

— Что... что именно сказал Лэ Уя? Из каких он?

Подобный вопрос казался крайне необычным для Сян Чжиши, который всегда и во всем старался являть миру образ безупречного, благородного мужа.

В этот миг он даже позабыл о необходимости притворно и уважительно назвать Лэ Уя учителем.

— Отрезанный рукав, — скрепя сердце и стиснув зубы, выдавил Чжан Юнь. — Лэ Уя сказал, что он отрезанный рукав.

Руки обоих братьев в тот же миг синхронно сжались в кулаки в широких рукавах.

Сян Чжицзе закрыл глаза.

Дыхание Сян Чжиши стало тяжелым и прерывистым.

На площади перед залом воцарилась глухая тишина, и лишь завывание зимней метели уносило

прочь чужие, тайные и глубоко запрятанные в груди мысли.

За пятьсот ли от столицы вовсю шли мирные переговоры между государством Великая Ю и племенем Цзин.

Нынешняя встреча была посвящена заключению перемирия и прекращению боевых действий. Тема казалась крайне важной и серьезной, однако на деле переговоры продвигались на удивление гладко и быстро.

Причина крылась в очевидном: у обеих сторон попросту закончились деньги в казне, и им жизненно необходима была передышка, чтобы восстановить силы.

Раз уж обоюдное желание сложить оружие оказалось столь сильным, официальные встречи превратились в обычную, планомерную формальность.

После долгих дневных дискуссий вечерами наступало время пышных пиров, зажигательных танцев и бесконечных тостов.

Вот только главу дипломатической миссии, сына прославленного генерала Динъюаня по имени Пэй Минци, совершенно не интересовали прекрасные и соблазнительные танцовщицы племени Цзин.

Он рассеянно макал кончик пальца в вино и бессознательно рисовал на лакированной поверхности стола обратный маршрут до столицы.

Казнь Лэ Уя должна была состояться завтра.

Даже если он прямо сейчас завершит эти приграничные переговоры и помчится обратно в столицу, загоня лошадей, без сна и отдыха, он все равно никак не успеет к моменту исполнения приговора.

Да и к чему ему вообще смотреть на его смерть?!

Вконец раздосадованный Пэй Минци раздраженным движением руки смахнул со стола разлитое вино, крепко сжал ладонь в кулак и нахмурился. Однако в его ушах в этот момент совершенно некстати зазвучал чистый, звонкий юношеский голос Лэ Уя:

— Эй!

Мужчина резко повернул голову, но перед его глазами предстали вовсе не чужеземные, раскрашенные яркими красками залы инородческого дворца. Ему вдруг почудилась серая кирпичная стена с черной черепицей, на которой сидел молодой, веселый парень.

Незнакомец высоко поднял кувшин с вином и, свесив одну ногу со стены, задорно крикнул:

— Маленький Феникс!* Айда пить со мной!

Пэй Минци моргнул, сквозь разделяющее их огромное расстояние и время беззвучно ответив ему:

— Дохлая ворона*.

«Как же ты докатился до такого? Если бы только тогда не случилось той беды...»

При этой мысли его взгляд потяжелел, и он перевел взор на сидевшего во главе стола вождя племени Цзин — Хэлянь Чэ.

ПП: В китайском оригинале прозвище Пэй Минци — «小鳳凰» (Xiao Fengchuan / Сяо Фэнхуан), что буквально переводится как «Маленький Феникс». В контексте новеллы это прозвище связано с игрой слов. Его имя Минци (明子) содержит иероглифы «кричать/петь» (明) и «гора Ци» (子). В китайской мифологии есть знаменитая идиома «Феникс поет на горе Ци» (鳳鳴岐). Этот образ означает рождение великого человека, предвещающего эпоху процветания.

Что касается того, почему Пэй Минци называет Лэ Уя «Дохлой вороной», это прозвище родилось из забавной игры слов, связанной с именем главного героя. Иероглиф «Уя» (鵲) означает «бескрайний, безграничный» (отсылая к фразе «радость без границ»). Однако в китайском языке слово «Ворона» звучит абсолютно так же — Уя (烏). Пэй Минци просто воспользовался этим идеальным созвучием, чтобы подразнить друга. Слово «死» (сы — мертвый, дохлый) в китайских дружеских перепалках используется как эмоциональная приставка вроде нашего «паршивая», «чертова».

Земли Цзин славились своими красавцами, однако Хэлянь Чэ к их числу определенно не относился.

В его жилах текла наполовину кровь племени Янь, что одарило его от природы могучим и высоким ростом. Поскольку свой трон он отвоевал в седле, от него веяло суровым величием человека, прошедшего сквозь пламя и кровь. Он никогда не улыбался, сидел с безупречно прямой спиной и ничуть не скрывал своей жесткой, чисто воинской натуры.

Единственным элементом, добавлявшим его облику хоть каплю изящества, была тонкая длинная косичка, вплетенная в копну густых, вьющихся волос и украшенная бусинами из палисандра.

В этом он был поразительно похож на Лэ Уя.

С кудрями Лэ Уя всегда было полно хлопот, поэтому тот обычно бросал их как попало, позволяя небрежно рассыпаться по плечам. В конце концов Пэй Минци просто не выдержал: он раздобыл маленький гребень, усадил парня перед зеркалом и принялся прядь за прядью укрощать эту непослушную гриву.

— Маленький Феникс, ну давай побыстрее, — вновь зазвучал в ушах ленивый, до боли знакомый голос покойного друга. — Дочешешь, и пойдем гулять!

Тяжелый топот шагов внезапно оборвал его затянувшиеся воспоминания.

Придя в себя, Пэй Минци горько усмехнулся собственной глупости: с чего это он стал так часто вспоминать Лэ Уя?

Их пути уже давно разошлись.

И все же на его казнь он смотреть не желал.

Пэй Минци крепче сжал в пальцах чарку с вином.

Именно поэтому он пошел против всего мира и твердо решил вытащить его на свободу.

По их уговору Лэ Уя должен был «скоропостижно скончаться» только сегодняшней ночью.

Все нужные люди в тюрьме уже были подкуплены. Пэй Минци собирался тайно вывезти его, запереть в дальнем поместье и силой заставить вылечить запущенную болезнь.

Вокруг только и твердили, что Лэ Уя смертельно болен, но Пэй Минци до последнего отказывался в это верить, ведь он слишком хорошо помнил, каким тот всегда был живым, неудержимым и полным бьющей через край энергии.

Как ловко он забирался на самые высокие стены? Как мастерски владел луком и держался в седле?

Пэй Минци до сих пор не мог забыть, как созданный Лэ Уя в юности конный отряд Тяньлан вихрем проносился по заснеженным зимним полям.

Лэ Уя, словно вожак стаи, с оглушительным свистом вел за собой безупречно обученных воинов. В золотых шлемах и на белоснежных конях они стремительно врезались в ряды врагов, будто бурный поток, впадающий в бескрайнее снежное море.

И даже когда они отдалились друг от друга, Пэй Минци время от времени видел его во сне: то Лэ Уя дерзко хватал его за султан на шлеме, то опять перелезал через забор его дома.

В те годы он улыбался так дико и так красиво.

Отогнав от себя эти образы, Пэй Минци поднял чарку и повернулся к поспешно вбежавшему в зал воину племени Цзин, судя по одежде, лазутчику.

Было видно, что гонец мчался издалека, преодолевая огромные расстояния, однако в его облике не проглядывало и следа усталости. Напротив, он выглядел невероятно воодушевленным. С грохотом опустившись на одно колено перед вождем и прижав руку к груди, он поднял в воздух облачко дорожной пыли:

— Повелитель! Из столицы доставлены важнейшие вести!

Голос Хэлянь Чэ прозвучал глухо и бесстрастно:

— Говори.

Глаза воина лихорадочно блестели, и он отчетливо, чеканя каждое слово, доложил:

— Докладываю государю! Тот самый Лэ Уя прошлым вечером скончался от болезни в тюремной камере!

Пэй Минци резко вскочил с места. Чарка в его руке дрогнула, и вино хлынуло прямо на лакированную поверхность стола.

Но ведь они договаривались с Лэ Уя именно на сегодняшнюю ночь?!

Увидев столь бурную и непозволительную реакцию своего командира, заместитель главы посольства буквально позеленел от ужаса.

Это ведь были официальные международные переговоры!

Даже если молодой генерал и водил в прошлом дружбу с Лэ Уя, все это давно осталось в прошлом. Как можно так откровенно терять самообладание на глазах у чужаков?!

Пока заместитель изнывал от подступившей паники, с главного места в зале донесся низкий, едва заметно дрожащий голос:

— Повтори... еще раз.

Помощник генерала опешил: «Что?..»

Сам гонец, еще мгновение назад сиявший от радости, тоже впал в полный ступор.

Насколько ему было известно, между его повелителем и этим Лэ Уя лежала кровная обида и непримиримая вражда.

Лазутчик был уверен, что приносит благую весть.

Но стоило воину в замешательстве приподнять голову, как прямо в него полетел тяжелый обеденный стол!

Обычно величественный и холодный, словно дракон, Хэлянь Чэ стремительно шагнул из-за шелковых занавесей, а в его глазах, подобно наводнению, разлилась пугающая тьма.

Рука, которой он только что опрокинул стол, неудержимо дрожала.

— Повтори еще раз.

Впрочем, самого Лэ Уя совершенно не волновало, что произойдет в мире после его кончины.

Даже без долгих размышлений было ясно: люди польют его имя грязью так, что дальше некуда.

Перед смертью он долго крутил эту мысль в голове и все никак не мог избавиться от чувства, что остался в чистом убытке.

Он всю жизнь только и делал, что просчитывал чужие ходы, и еще никогда не проворачивал столь невыгодных сделок.

Тогда его и осенило: напоследок он решил намертво привязать к себе старого императора славой «мужеложца».

Этот старик превыше всего ценил свою безупречную репутацию, так что подобная предсмертная выходка гарантированно обеспечит ему вечную «славу» в веках и будет отравлять ему жизнь до конца его дней.

Единственное, о чем искренне жалел Лэ Уя, так это о том, что ему не суждено было дожждаться колокольного звона к началу праздника Малого Нового года: дыхание покидало его слишком

быстро.

А ведь он искренне собирался продержаться в живых еще хотя бы один день.

Его лучший ученик, Чжицзе, уверял, что если учитель потерпит всего сутки, он сумеет уговорить старого императора отменить казнь до праздников.

Тот негодник Чжиши тоже твердил, что стоит ему пережить эту ночь, как перед ним откроется дорога к спасению.

Про Маленького Феникса и говорить нечего, от одной мысли о нем голова шла кругом.

Такой честный, верный и правильный парень умудрился додуматься до безумного плана с фальшивой смертью прямо в застенках тюрьмы Хуанюй. Он даже не удосужился вспомнить, чьей именно вотчиной всегда являлось это место и насколько сложно провернуть здесь подобный фокус.

Он снова подвел абсолютно всех, но в этот раз винить его было не в чем.

Он действительно изо всех сил цеплялся за жизнь.

Просто сама судьба оказалась против него.

Лэ Уя прекрасно понимал, что с его букетом старых травм, болезней и вечной привычкой обо всем беспокоиться, столь ранняя кончина была вполне закономерным и заслуженным итогом.

Однако за долгие годы разум его привык работать без остановки, и даже на пороге смерти он не изменил своей дурной привычке анализировать все подряд.

Именно поэтому, когда он вновь открыл глаза, введшийся в подкорку навык за несколько мгновений вернул ему способность здраво рассуждать:

— И где это я?

Это место совершенно точно не было тюрьмой Хуанюй.

Он очутился в довольно строгом, выдержанном в старинном стиле зале жилого дома. Двери были плотно закрыты, повсюду ярко горели праздничные красные свечи, отчего обстановка неуволимо напоминала брачные покои. Впрочем, выглядело все это великолепие излишне броско и даже пугающе, поскольку по стенам то и дело проносились причудливые, зловещие тени от языков пламени.

В области шеи отозвалась глухая, тянущая боль.

Кое-как справляясь с подступившим чувством удушья, Лэ Уя покачнулся и медленно поднялся на ноги.

Судя по тому, как распрямлялось его новое высокое тело, Лэ Уя мгновенно определил, что его возвращение в мир живых сложно назвать обычным и законным перерождением через утробу матери.

Едва встав в полный рост, он вновь почувствовал сильное головокружение. Земля ушла из-под ног, и мужчина начал заваливаться вперед.

В этот миг откуда-то сбоку неожиданно протянулась рука и крепко перехватила его за локоть.

Лэ Уя недоуменно моргнул.

Если зрение не обманывало его, эта самая рука была полупрозрачной.

Он вскинул голову и краем глаза заметил висевшее на стене бронзовое зеркало.

В отражении совершенно отчетливо виднелся лишь он один.

«Да ладно, не может быть», — подумал Лэ Уя.

При жизни он, конечно, частенько поступал подло и бессовестно, да и перед самой смертью ухитрился знатно испачкать репутацию старого императора.

Но вот так запросто отобрать тело у совершенно невинного человека, это уже верх бесчинства.

К его облегчению, стоявший перед ним призрак выглядел куда более растерянным, чем он сам:

— Это... как же так?..

Стоило незнакомцу подать голос, как Лэ Уя сразу понял: перед ним сидит редкой породы добряк и простофиля.

А Лэ Уя, как закоренелый и опытный коварный чиновник, больше всего на свете любил именно таких наивных простофиль.

Решив сразу перехватить инициативу, он мгновенно нацепил на лицо маску абсолютной, кристально чистой невинности и удивленно спросил:

— Где мы находимся? И кто ты такой?

Актерскому таланту Лэ Уя можно было лишь позавидовать: на его лице отразилось искреннее, глубокое замешательство, пока сам он незаметно и дотошно осматривал незнакомца и комнату вокруг.

За окнами вовсю властвовала глухая ночь, однако сам он был облачен в строгое, официальное чиновничье платье: вышивка с изображением водоплавающей птицы сиси, серебряный пояс, подвески из аптекарской яшмы и трехцветные наградные ленты. Типичный парадный наряд гражданского чиновника седьмого ранга нашей империи.

Одежда была настолько торжественной и безупречной, что в ней можно было без стыда явиться на главную столичную аттестацию, которая проводилась раз в пять лет.

Зачем же посреди ночи наряжаться в такие одежды?

В голове Лэ Уя зародилась вполне определенная догадка, и он медленно поднял взгляд к потолочным балкам.

Там, прочно привязанная к стропилам, висела длинная петля из белого шелка. Один ее конец сорвался и теперь плавно, едва заметно покачивался в воздухе.

На небольшом столике поодаль лежал раскрытый официальный доклад. Написан он был аккуратным, изящным каллиграфическим почерком цаньхуа, которому Лэ Уя в прошлой жизни отчаянно завидовал.

Вот только каждая черточка и каждый штрих здесь были выведены ярко-алой киноварью, что делало этот документ совсем не похожим на обычное прошение.

Лэ Уя едва заметно нахмурился.

Бывший хозяин тела только открыл рот, собираясь заговорить, но Лэ Уя бесцеремонно прервал его:

— Ты решил саморучно оборвать свою жизнь, потому что хотел заявить о несправедливости и донести свою жалобу до самых небес, прямо до ушей императора?

Прежний владелец замер с приоткрытым ртом.

Раз уж он сумел дослужиться до седьмого ранга и стать главой уезда, ему не составило труда понять, что этот незванный гость, занявший его плоть, вовсе не был простым невежественным бродягой и обладал исключительной проницательностью.

Подавив растерянность и тревогу, он послушно ответил:

— Да.

Лэ Уя нахмурился еще сильнее.

И нахмурился он вовсе не из-за того, что этот юнец решил выразить протест ценой собственной жизни.

Человек за свою жизнь часто сталкивается с неразрешимыми трудностями и терпит горькие обиды.

Этот парень дослужился до седьмого ранга. Пускай должность его и была мелкой, вроде кунжутного зернышка, но если бы чиновник во время исполнения обязанностей внезапно затыкнул на шее петлю, столица просто обязана была прислать людей для расследования.

И тогда несправедливость, от которой он страдал, вполне могла быть раскрыта.

С древнейших времен люди нередко жертвовали собой ради восстановления правды, и в этом не было ничего удивительного.

Однако Лэ Уя внутренним чутьем ощущал, что здесь кроется какой-то подвох.

Он отличался тяжелым, мнительным характером, и если уж чувствовал неладное, то обязан был докопаться до истины немедленно.

Лэ Уя слегка потянул за воротник, поскольку остаточное чувство удушья причиняло сильный дискомфорт.

Он спросил:

— Как твое имя?

Душа хозяина тела с некоторой опаской отозвалась:

— Я... ничтожный чиновник... Вэньжэнь Юэ, второе имя Минкэ.

«Носит фамилию Вэньжэнь?»

В душе Лэ Уя подозрения разгорелись с новой силой:

— Из племени Цзин?

Прежний владелец кивнул:

— Да, отец ничтожного чиновника происходил из племени Цзин...

Услышав этот ответ, Лэ Уя наконец отчетливо осознал, что именно казалось ему странным.

Племя Цзин, оформление официального доклада, покрой чиновничьего платья.

Все эти очевидные подсказки лежали прямо перед ним, а у него из-за нехватки воздуха кружилась голова и он не смог сообразить сразу!

Охваченный крайне дурным предчувствием, он резко спросил:

— Господин Вэньжэнь, какой сейчас год и месяц?!

Вэньжэнь Юэ почтительно ответил:

— Докладываю господину, ныне идет двадцать пятый год правления Тяньдин государства Великая Ю...

Лэ Уя потерял дар речи.

«Проклятье, как так вышло, что прошло всего четыре года?»

«И почему этот старый император до сих пор не умер?»

= = =

Примечания автора:

«История государства Ю. Жизнеописания коварных чиновников: Лэ Уя»

Лэ Уя, носивший второе имя Юцюэ, происхождение его неизвестно. Сдал государственные

экзамены на ученую степень цзиньши в одиннадцатый год правления Тяньдин. В юности отличался ветреным, безудержным и дерзким нравом. Был необычайно красив и статен. Часто разъезжал по городским улицам на белоснежном коне в золотой узде, и тогда горожане бросали ему под ноги разные вещи, надеясь удержать его подольше и безмолвно выразить свои глубокие чувства... Позже снискал исключительную благосклонность императора, отчего с каждым днем становился все более заносчивым. Обвинен по восьмидесяти двум пунктам, скончался от болезни в тюремной камере. Узнав об этом, император призвал к себе дежурного стражника ради расспросов. Тюремщик Чжан Юнь передал, что покойный был бесконечно благодарен за милость и любовь, не смог отплатить за них при жизни, а потому надеется вернуть долг в следующем перерождении. Император сокрушенно вздохнул и повелел палате чинов организовать достойные похороны.

«История государства Ю. Жизнеописания способных чиновников: Лэ Уя»

...Обладал выдающимся, редкостным талантом. Император призвал его во дворец и поручил обучать принцев верховой езде, стрельбе из лука и воинскому искусству. Был одарен, но вел себя излишне вольно и независимо. В первые три месяца службы разобрал более тысячи двухсот залежавшихся судебных дел. Создал тюрьму Хуанюй. В одиночку создал собственную политическую фракцию и единолично правил делами под куполом небес.

«История государства Ю. Жизнеописания знаменитых чиновников: Вэньжэнь Юэ»

Вэньжэнь Юэ, носивший второе имя Минкэ. В двадцать пятый год правления Тяньдин, будучи выпускником императорской академии, получил назначение на должность главы уезда Наньтин.

Примечания переводчика:

Друзья, приветствую вас новой новеллой. Искала что-то короткое, но мне очень понравилось описание, поэтому, отбросив все мысли о других новеллах, взяла в работу эту. Работа очень объемная, главы большие, язык сложный, поэтому историю я не читала всю, буду читать вместе с вами: в связи с этим могут быть правки в ходе перевода в предыдущих главах, об этом я буду вас предупреждать. Надеюсь на ваше понимание, и конечно же жду от вас поддержки и активности под главами □